

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поставив ногу на первую ступеньку лестницы, Грант остановился и прислушался к крикам, доносившимся с верхнего этажа. Крики сопровождались непрерывным глухим гулом, похожим на тот, что издает разбушевавшаяся стихия, например лесной пожар или вышедшая из берегов река. Ноги Гранта отказывались нести его наверх, и он сделал из этого неизбежный вывод: вечеринка удалась.

Он пришел сюда не ради вечеринки. Литературные собрания, даже самые солидные, с хересом, были не во вкусе Гранта. Он пришел сюда забрать Марту Халлард, чтобы повести ее обедать. Обычно, правда, полицейские не водят обедать ведущих актрис, выступающих в Хаймаркете и «Олд-вике», даже если этот полицейский — инспектор уголовного розыска из Скотленд-Ярда. Столь привилегированное положение Гранта объяснялось тремя причинами, и он знал их — все три. Во-первых, он был весьма видным мужчиной, во-вторых, мог себе позволить обед у Лорана, и в-третьих, Марте Халлард было не так-то легко заполучить кавалера. Она занимала заметное место в театральной среде, была необыкновенно элегантна, но мужчины боялись ее. Поэтому, когда Грант, тогда еще сержант уголовного розыска, в связи с делом об украденных драгоценностях появился в жизни Марты, она проследила, чтобы потом он уже не исчезал. И Грант с радостью остался. Если он был полезен Марте в качестве кавалера, когда ей требовался таковой, она была еще более полезна ему в качестве окна в мир. Чем больше окон в мир имеет полицейский, тем, естественно, лучше он

может выполнять свою работу, и Марта как бы служила прорезью для глаз в кашпошоне прокаженного, через которую Грант мог заглянуть в театральный мир.

Шум успешно протекавшей вечеринки выплескивался через открытые двери на лестничную площадку. Грант остановился и окинул взглядом орущих людей, плотно, как сельдь в банке, набившихся в длинную, убранную в георгианском стиле комнату. Как бы ему выудить оттуда Марту?

Сразу за дверьми, явно ошарашенный тем, что перед ним оказалась сплошная стена говорящих и пьющих представителей человечества, стоял молодой человек. Вид у него был совершенно потерянный. Шляпу свою он все еще держал в руках, значит только что пришел.

— Затруднения? — спросил Грант, поймав его взгляд.

— Я забыл свой мегафон, — ответил молодой человек.

Он произнес это, слегка растягивая слова и не утруждая себя попыткой перекричать общий шум. Однако благодаря высокому тембру голос молодого человека оказалось легче расслышать, чем если бы он орал. Грант, уже с одобрением, снова взглянул на него.

«Очень красивый молодой человек, — присмотревшись, отметил Грант. — Слишком светловолос для настоящего англичанина. Может быть, норвежец?»

Или американец. Что-то заокеанское было в том, как он произнес «забыл».

За окном уже начал синеть ранний весенний вечер и зажглись фонари. Сквозь туман сигаретного дыма в дальнем конце комнаты Грант смог разглядеть Марту, слушавшую Таллиса, драматурга. Он рассказывал ей о своих персонажах так, словно это были члены королевской семьи. Гранту не нужно было слышать Таллиса, он и так знал, что тот говорит о своих персонажах. Таллис всегда говорил только об этом. Таллис мог, не задумываясь, сказать, что сотворил второй состав труппы с его «Ужином для троих» в первый день Пасхи в Блэкпуле в 1938 году. Марта перестала даже делать вид, будто слушает. Уголки ее рта были опущены. Грант подумал,

что она безусловно заслужила орден Британской империи и звание DBE¹. Однако это должно произойти в самое ближайшее время, иначе Марте, увы, придется делать пластическую операцию. Он решил оставаться там, где стоял, пока не удастся поймать ее взгляд. Они оба были высокого роста и могли переглядываться поверх голов остальной толпы.

По укоренившейся профессиональной привычке полицейского Грант обжегал глазами разделявших их людей, но ничего интересного не обнаружил. Обычное сборище. Весьма процветающая издательская фирма «Росс и Кромарти» отмечала выход в свет двадцать первой книги Лавинии Фитч, а поскольку фирма процветала в большой степени благодаря Лавинии, то и напитков было много, и гости были солидные. Солидные — в смысле хорошо одетые и с громкими именами, так сказать. Публику, которая завоевала положение в обществе лишь недавно, не приглашали отмечать рождение «Любовника Морин» и пить шерри господ Росса и Кромарти. Даже Марта, несомненно кавалер ордена Британской империи в ближайшем будущем, была здесь только потому, что в деревне жила по соседству с Лавинией. А Марта, благослови Господь ее черно-белую элегантность и недвольный вид, скорее, чем кто-либо другой в этой комнате, могла претендовать на принадлежность к высшему классу. Так что, вероятно, этот незнакомый ему молодой человек помимо своей миловидности обладал еще чем-то. Интересно, как он зарабатывает себе на жизнь? Актер? Но актер не будет в полном недоумении стоять с краю. И что-то просквозило в его замечании о мегафоне и в отстраненности, с которой он наблюдал происходящее и которая как бы отделяла его от толпившихся вокруг людей. Возможно ли, подумал Грант, чтобы такие скулы пропадали в брокерской конторе? Или это мягкий свет дорогих ламп господ Росса и Кромарти очертил так красиво прямой нос и прямые

¹ DBE (англ. Dame Commander of the British Empire) — женщина-кавалер ордена Британской империи 2-й степени.

светлые волосы, а при дневном свете молодой человек выглядел бы менее привлекательным?

— Вы мне не скажете, — вдруг обратился он к Гранту, по-прежнему не повышая голоса, — кто здесь мисс Лавиния Фитч?

Лавиния, маленькая женщина с желтоватой кожей, стояла у среднего окна. Она купила себе для этого случая модную шляпку, но ничего не сделала, чтобы приспособить ее к своей голове, и шляпка торчала на ее взлохмаченных рыжих волосах, похожих на воронье гнездо. Казалось, будто шляпка упала на них откуда-то сверху, из окна, когда хозяйка шла по улице. На лице у Лавинии Фитч было обычное выражение радостного изумления — и никакой косметики.

Грант показал на нее молодому человеку.

— Вы впервые в Лондоне? — спросил он, заимствуя фразу из добропорядочных вестернов. Вежливая форма «мисс Лавиния Фитч» могла родиться только в США.

— Вообще-то, я ищу племянника мисс Фитч. Я смотрел в телефонном справочнике, но там его нет, вот я и надеялся, что увижу его здесь. Вы, случайно, не знакомы с ним, мистер...

— Грант.

— Мистер Грант?

— Я знаю его в лицо. Здесь его нет. Вы ведь имеете в виду Уолтера Уитмора?

— Да. Уитмор. Я его совсем не знаю, но мне очень хотелось бы увидеться с ним, потому что у нас есть — я хочу сказать, был — общий друг. Мне казалось, он придет сюда. Вы совершенно уверены, что его здесь нет? Народу-то тут много.

— В этой комнате его нет. Уверен, потому что Уитмор такого же высокого роста, как я. Но он может быть где-нибудь поблизости. Послушайте, вам стоит подойти к мисс Фитч. Мы, наверное, сможем пробиться сквозь баррикады, если проявим решимость.

— Тогда тараньте, а я постараюсь проскользнуть, — заявил молодой человек, имея в виду разницу их весовых ка-

тегорий. — Это очень мило с вашей стороны, мистер Грант, — добавил он, когда они вынырнули где-то на полпути — вдохнуть воздуха и оказались притиснуты друг к другу живой изгородью из чужих локтей и плеч. Потом он рассмеялся, увидев беспомощность Гранта. А Грант неожиданно смутился. Так смутился, что тут же повернулся и стал проталкиваться сквозь человеческие джунгли к просвету у среднего окна, где стояла Лавиния Фитч.

— Мисс Фитч, — произнес Грант, — здесь молодой человек очень хочет поговорить с вами. Он пытается найти вашего племянника.

— Уолтера? — спросила Лавиния, и ее заостренное личико потеряло туманное выражение безотносительного благорасположения ко всем вообще и приобрело реальную заинтересованность.

— Меня зовут Сирл, мисс Фитч. Я приехал из Штатов в отпуск, и мне хотелось повидать Уолтера, потому что Куни Уиггин был и моим другом тоже.

— Куни! Вы друг Куни? О дорогой, Уолтер будет в восторге, просто в восторге. О, какой приятный сюрприз посреди всего этого... Я хочу сказать, все так неожиданно. Уолтер обрадуется. Вы говорите — Сирл?

— Да. Лесли Сирл. Я не нашел Уолтера в справочнике.

— Да, в городе у него только pied-à-terre¹. Он живет в Сэлкотт-Сент-Мэри, как и все мы. Знаете, там у него ферма. Ферма, о которой он делает радиопередачи. Вообще-то, это моя ферма, но он занимается ею и рассказывает о ней по радио, и... У него сегодня передача во второй половине дня, поэтому он и не пришел на вечеринку. Вы должны приехать к нам и погостить. Приезжайте на этот уик-энд. Поедемте сегодня вечером вместе с нами!

— Но вы же не знаете, а вдруг Уолтер...

— Вы ведь не приглашены куда-нибудь на этот уик-энд?

— Нет, нет. Но...

¹ Квартира, жилище, носящее временный характер, на всякий случай (*фр.*).

— Вот и хорошо. Уолтер будет возвращаться из студии, а вы можете поехать с Лиз и со мной в нашей машине. Вот Уолтер удивится! Лиз! Лиз, дорогая моя, где ты? Где вы остановились, мистер Сирл?

— В «Уэстморленде».

— Что может быть удобнее! Лиз! Где же Лиз?

— Я здесь, тетя Лавиния.

— Лиз, дорогая, это Лесли Сирл. Он едет к нам на уик-энд. Ему хочется встретиться с Уолтером, потому что оба они были друзьями Куни. А сегодня пятница, и мы все едем в Сэлкотт-Сент-Мэри, чтобы прийти в себя от... чтобы пожить славно, спокойно, мирно, так что ничего не может быть удобнее. Поэтому, Лиз, дорогая, отвези его в «Уэстморленд», помоги ему уложить вещи, и возвращайтесь за мной, ладно? К тому времени эта... вечеринка наверняка закончится, вы сможете забрать меня, и мы поедем вместе в Сэлкотт. То-то удивится Уолтер!

Грант заметил, что молодой человек с интересом взглянул на Лиз Гарроуби, и слегка призадумался. Лиз была простенькой девушкой небольшого роста, со смугловатым лицом. Правда, у нее были замечательные глаза, ярко-голубые, цвета вероники, совершенно удивительные, и такое лицо, что всякому мужчине захотелось бы пройти по жизни с женщиной, у которой такое лицо. Она была славной девушкой, Лиз. Но не той особой, на которую молодые люди немедленно обращают внимание. Может быть, до Сирла просто дошли слухи о ее помолвке, и он смотрел на нее, потому что это невеста Уолтера Уитмора.

Грант потерял интерес к семейству Фитч, как только заметил, что Марта увидела его. Он показал глазами, что встретит ее у дверей, и снова нырнул в удушливые волны человеческого моря. Марта, из них двоих обладавшая более безжалостным характером, преодолела дистанцию до двери вдвое быстрее и ждала Гранта у входа.

— Кто этот красивый молодой человек? — спросила она, оглянувшись, когда они продвигались к лестнице.

— Он ищет Уолтера Уитмора. Говорит, что он друг Куни Уиггина.

— «Говорит»? — повторила Марта с оттенком язвительности, направленной не на молодого человека, а на Гранта.

— Осторожность полицейского, — сказал Грант извиняющимся тоном.

— А кто такой Куни Уиггин?

— Куни был одним из известнейших фоторепортеров в Штатах. Его убили, когда он снимал очередную драку на Балканах год или два назад.

— Все-то вы знаете.

У Гранта на кончике языка вертелось: «Это знают все, кроме актрис», но ему нравилась Марта. Вместо этого он сказал:

— Я понял так, что он отправляется в Сэлкотт на уик-энд.

— Красивый молодой человек? Ну-ну. Надеюсь, Лавиния понимает, что делает.

— А что плохого в том, что он там будет?

— Не знаю, но мне кажется, они рискуют собственной удачей.

— Удачей?

— Все получилось так, как им хотелось, не правда ли? Уолтер спасся от Маргерит Мэрриам и собирается осесть, женившись на Лиз. Вся семья вместе в старой усадьбе — сплошная идиллия, не передать словами. Не время приводить в дом бесподобно красивых молодых людей, сдается мне.

— Потрясающих, — пробормотал Грант, еще раз задумавшись над тем, что так смутило его в облике Сирла. Вряд ли просто красивое лицо. Смазливой внешностью полицейского не удивить.

— Держу пари, Эмма только взглянет на него — и выставит из дома в понедельник утром, сразу после завтрака, — заявила Марта. — Ее любимица Лиз выходит замуж за Уолтера, и Эмма сделает все, чтобы этому ничто не помешало.

— Лиз Гарроуби не произвела на меня особого впечатления. Не понимаю, чего миссис Гарроуби беспокоиться.

— И не поймете. Этот юноша произвел впечатление на меня за какие-то тридцать секунд на расстоянии в двадцать ярдов, а меня считают практически непробиваемой. Кроме того, я никогда не поверю, что Лиз и правда влюбилась в это бревно. Просто она хотела подлечить его разбитое сердце.

— А оно было здорово разбито?

— Встряска была изрядная, должна сказать. Как и следовало ожидать.

— Вы когда-нибудь играли на сцене с Маргерит Мэриам?

— О да, много раз. Мы вместе довольно долго играли в «Прогулке в темноте». Вон идет такси.

— *Такси!* Как вы относились к ней?

— К Маргерит? Она, без сомнения, была сумасшедшая.

— Как — «сумасшедшая»?

— На все сто.

— В каком смысле?

— Вы имеете в виду, как это проявлялось? О, полное безразличие ко всему, кроме того, чего ей хотелось в данный момент.

— Это не сумасшествие. Это просто криминальный способ мышления в своем самом чистом проявлении.

— Ну, вам виднее, дорогой. Может быть, она была преступницей *manqué*¹. Но что несомненно, так это то, что она была сумасшедшей, как старатель-одиночка. Даже Уолтеру Уитмору я не пожелала бы страшной судьбы оказаться ее мужем.

— За что вы терпеть не можете любимца британской публики?

— Дорогой, я не переносу, как он *тоскует*. Это было достаточно скверно, когда он тосковал среди чабреца на склонах Эгейских холмов, а пули свистели у него над ухом. Я всегда подозревала, что он делал это, щелкая бичом...

¹ Несостоявшейся (*фр.*).

— Марта, вы потрясаете меня.

— Нисколько, дорогой, нисколько. Вы знаете это не хуже меня. Когда в нас — во всех! — стреляли, Уолтер позаботился о том, чтобы иметь возможность спрятаться в славной комнатке в пятидесяти футах под землей. А каждый раз, чуть только опасность миновала, Уолтер вылезал из своего маленького убежища и усаживался на поросший чабрецом склон холма — с микрофоном и бичом, с помощью которого он изображал, как свистят пули.

— Боюсь, вскоре мне придется взять вас на поруки.

— За убийство?

— Нет, за клевету.

— И за это надо брать на поруки? Я думала, что это совершенно джентльменский поступок, за который в худшем случае могут лишь вызвать в суд.

Грант подумал о том, как все же неподражаемо невежество Марты.

— Хотя это могло быть и убийство, — произнесла Марта тем воркующе-задумчивым голосом, который принес ей сценическую известность. — Пожалуй, я бы могла вынести чабрец и пули, но теперь, когда он взялся девяносто девять лет рассуждать о весенних всходах, дятлах и всем таком прочем, он вырастает до размеров общественной угрозы.

— Зачем вы его слушаете?

— Ну, в этом есть что-то отвратительно-притягательное. Человек думает: ладно, это уже предел безобразия, хуже не может быть ничего. А на следующей неделе слушает и видит, что может быть хуже. Так что на следующей неделе уже слушаешь, может ли быть еще хуже. Это ловушка. Настолько мерзко, что невозможно выключить. С нетерпением ждешь очередной порции безобразия, и еще следующей. И когда он объявляет о конце передачи, все еще слушаешь.

— Марта, а это не может быть просто профессиональной ревностью?

— Вы считаете, что этот тип — *профессионал*? — переспросила Марта, понизив тон на квинту, так что ее голос затрепетал и в нем отразились и накопленный за долгие годы

репертуар, и зубрежка местных говоров, и воскресные поезда, и отчаянно скучная аудитория в холодных, темных театральных залах.

— Нет, я считаю, что он просто актер. Актер природный, бессознательный, который превратил себя в притчу во языцах, не прикладывая к этому особых усилий. Я могу понять, что вам это не нравится. А что восхищало в нем Маргерит?

— Это я вам объясню. Его преданность. Маргерит нравилось обрывать крылышки у мух. Уолтер позволял рвать себя на части, уходил, но потом снова возвращался, чтобы повторить все сначала.

— Но как-то раз не вернулся.

— Да.

— Из-за чего произошла последняя ссора, вы не знаете?

— Не думаю, чтобы такая ссора была. Скорее, он просто сказал ей, что с него хватит. По крайней мере, так он объяснил на следствии. Кстати, вы читали некрологи?

— Наверное, в свое время читал. Сейчас не помню.

— Проживи Маргерит еще десять лет, она удостоилась бы только нескольких маленьких заметок на последних страницах. А так ей расточали комплименты бóльшие, чем Дузе¹: «Пламя гения угасло, и мир стал беднее», «У нее была легкость сорвавшегося листка и грациозность ивы, качающейся на ветру». Такие вот перлы. Удивлялись, что в газетах не было черных рамок. Скорбь практически приняла национальные масштабы.

— Грандиозная разница между всем этим и Лиз Гарроби.

— Милая, славная Лиз. Если Маргерит Мэрриам была слишком плоха даже для Уолтера Уитмора, Лиз слишком хороша для него. Уж слишком хороша. Я была бы счастлива, если бы этот красивый молодой человек увел ее у него из-под носа.

¹ *Элеонора Дузе* (1858–1924) — знаменитая итальянская театральная актриса.

— Почему-то я не могу представить себе вашего «красивого молодого человека» в роли супруга, а вот Уолтер будет прекрасным мужем.

— Дорогой мой, Уолтер будет делать об этом передачи. Об их детях, о полках, которые он приладил в буфетной, и как развиваются выпуклости маленькой женщины, и какие узоры мороз нарисовал на окнах детской. Ей было бы гораздо безопаснее с... как вы сказали, его зовут?

— Сирл. Лесли Сирл. — Грант рассеянно следил за тем, как приближается бледно-желтая неоновая вывеска Лорана. — Мне почему-то не кажется, что безопасность — это определение, приложимое к Сирлу, — протянул он задумчиво. И с этой минуты забыл думать о Лесли Сирле и не вспоминал о нем, пока в один прекрасный день не получил приказа отправиться в Сэлкотт-Сент-Мэри искать его тело.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Дневной свет! — воскликнула Лиз, выходя из подъезда. — Добрый чистый дневной свет! — Она с удовольствием втянула носом вечерний воздух. — Машина на площади за углом. Вы хорошо знаете Лондон, мистер... мистер Сирл?

— Я бывал в Англии частенько, во время отпусков. Но в такое раннее время года — не приходилось.

— Вы вообще не видели Англии, если не видели ее весной.

— Так говорят.

— Вы летели через Ла-Манш? Самолетом?

— Прямо из Парижа — как истый американец. Париж весной тоже великолепен.

— Так говорят. — Лиз повторила и его фразу, и его тон. А потом, будто испугавшись взгляда, который он бросил на нее, добавила: — Вы журналист? Поэтому вы и были знакомы с Куни Уиггином?

— Нет. Я занимаюсь тем же, что делал Куни.

— Фотографии для газет?

— Не для газет. Просто фотография. Большую часть зимы я провожу на Побережье, снимая разных людей.

— На Побережье?

— В Калифорнии. Это помогает поддерживать хорошие отношения с управляющим моим банком. А вторую половину года я путешествую и фотографирую то, что мне хочется фотографировать.

— Звучит соблазнительно, — проговорила Лиз, открывая машину и забираясь в нее.

— Весьма неплохая жизнь.

Машина была двухместным «роллс-ройсом», маленьким старомодным «роллсом», каким и полагается быть этим никогда не меняющимся машинам. Что и попыталась объяснить Лиз, когда они выехали с площади и влились в вечерний поток машин.

— Первое, что сделала тетя Лавиния, когда заработала деньги, — купила себе соболий палантин. Она всегда считала, что соболий палантин — обязательный предмет в гардеробе. А второе, чего ей захотелось, — это «роллс». Она купила его, когда вышла следующая книга. Палантин она ни разу не надела, потому что, как она говорит, это сплошное мучение, когда что-то все время болтается у тебя на шее, но «роллс» оказался очень удачной покупкой, и мы до сих пор им пользуемся.

— А что случилось с собольим палантином?

— Тетя обменяла его на пару стульев эпохи королевы Анны и газонокосилку.

Когда они остановились перед отелем, Лиз сказала:

— Здесь не разрешается стоять. Я отъеду на стоянку и подожду вас там.

— А разве вы не будете укладывать мои вещи?

— «Укладывать ваши вещи»? Конечно нет.

— А ваша тетя сказала, что будете.

— Это просто фигуральное выражение.

— А я воспринял все буквально. Ну хотя бы поднимемся, посмотрите, как я буду укладываться. Одарите меня сво-

ими советами и поддержкой. Это было бы очень мило с вашей стороны.

В результате Лиз действительно упаковывала в два больших чемодана одежду молодого человека, а он вытаскивал ее из ящичков и кидал ей. Все вещи были очень дорогие, заметила она, сшитые на заказ и из лучших тканей.

— Вы очень богаты или просто экстравагантны? — спросила Лиз.

— Привередлив, скажем так.

К тому моменту, как они вышли из отеля, на улицах зажглись первые фонари.

— Мне кажется, — заметила Лиз, — в такое время, когда еще не погас дневной свет, фонари выглядят красивее всего. Они желтые, как нарциссы, и таинственные. А как только совсем стемнеет, они станут белыми и обыкновенными.

Они вернулись в Блумсбери, но обнаружили, что мисс Фитч уехала. Партнер фирмы, представлявший ту часть, что выступала под именем Росс, в полном изнеможении развалился в кресле и вдумчиво поглощал то, что осталось от шерри. При виде их он встрепенулся и даже смог вернуть себе некое подобие профессионального *bonhomie*¹. Он сообщил им: мисс Фитч сочла, что в машине мистера Уитмора будет свободнее, и отправилась забрать его со студии после окончания получасовой передачи. А мисс Гарроуби и мистера Сирлу велела ехать вслед за ними в Сэлкотт-Сент-Мэри.

Пока они выбирались из Лондона, Сирл молчал — не желая мешать ей как водителю, предположила Лиз и была ему благодарна за это. Лишь когда по обеим сторонам дороги появились зеленеющие поля, он заговорил об Уолтере. Похоже, Куни был высокого мнения об Уолтере.

— Так вы не были на Балканах с Куни Уиггином?

— Нет. Я познакомился с Куни, когда он вернулся в Штаты. Но в письмах он много рассказывал о вашем кузене.

¹ Добродушия (фр.).

— Очень мило с его стороны. Только, понимаете, Уолтер мне не кузен.

— Правда? Но ведь мисс Фитч ваша тетя?

— Нет. Я не их родственница. Сестра Лавинии — Эмма — вышла замуж за моего отца, когда я была ребенком. И все. Мама — то есть Эмма — просто взяла папу осадой, если уж говорить правду. У него не оставалось выхода. Понимаете, Эмма вырастила Лавинию, и для нее было страшным ударом, когда Винни повзрослела и начала поступать по-своему. Особенно когда она допустила такую *outré*¹, как стать автором бестселлера. Эмма начала оглядываться в поисках, к чему бы еще приложить руки и свои склонности насадки, и тут подвернулся мой отец, оставшийся без единого пенни, с маленькой дочкой на руках, и просто словно взывавший, чтобы его взяли под опеку. Так она стала Эммой Гарроуби и моей матерью. Я никогда не думала о ней как о мачехе, потому что никакой другой матери я не помню. Когда отец умер, Эмма переехала жить в Триммингс к тете Лавинии, а я, когда окончила школу, стала работать секретарем у тети. Отсюда и фраза о том, чтобы уложить ваши вещи.

— А Уолтер? Откуда он взялся?

— Он сын старшей сестры. Его родители умерли в Индии, и с тех пор тетя Лавиния воспитывала его. То есть с его пятнадцати лет или около того.

Сирл какое-то время молчал, явно пытаясь разобраться в услышанном.

Интересно, думала Лиз, почему она рассказала ему все это? Зачем объяснила, что у ее матери властная натура, хотя и дала понять, что властная в самом добром смысле слова. Неужели она, Лиз, нервничает? Она, которая никогда не нервничает и которую так трудно поразить. Из-за чего нервничать-то? Право же, нечего смущаться от присутствия красивого молодого человека. И в качестве просто Лиз Гарроуби, и в качестве секретаря мисс Фитч ей время от време-

¹ Экстравагантную выходку (*фр.*).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	
<i>Перевод Ж. Грушанской</i>	5
ДОЧЬ ВРЕМЕНИ	
<i>Перевод А. Санина и Ю. Смирнова</i>	229
ПОЮЩИЕ ПЕСКИ	
<i>Перевод Ж. Грушанской</i>	411